

Научная статья
УДК 32.019
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/131-146>

Политика памяти в Монголии в конце 2010-х – начале 2020-х гг.: участники, тематика и перспективы развития

Максим Валерьевич КИРЧАНОВ

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – анализ политики памяти в современной Монголии начала 2020-х гг. Новизна исследования состоит в анализе политики памяти в современной Монголии. В статье проанализированы дискурсивно-нарративные стратегии мемориальной культуры в контексте развития государственных нарративов в актуальном каноне коллективной памяти Монголии, юбилейные мероприятия как форма государственно контролируемой исторической политики, особенности политики памяти в ее институционализированных формах. Показан вклад исторической политики в консолидацию национальной идентичности через призму функционирования культуры памяти и мемориального канона в Монголии.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, мемориальный канон, образ Чингисхана, институты памяти

Для цитирования: Кирчанов М.В. Политика памяти в Монголии в конце 2010-х – начале 2020-х гг.: участники, тематика и перспективы развития // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 131–146. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/131-146>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/131-146>

Mongolian politics of memory in the late 2010s and early 2020s: actors, topics and development prospects

Maksym W. KYRCHANOFF

Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to analyze the politics of memory in modern Mongolia of the early 2020s. The article is based on the principles of the memorial turn and belong to the paradigm of intellectual history. The novelty of the study lies in the analysis of common and unique features and directions of historical politics as a politics of memory in modern Mongolia, because studies of non-European cultures of memory in international historiography develop in a lesser extent in comparison with the same processes in memorial cultures of Western societies. The article analyzes 1) discursive-narrative strategies of memorial culture in contexts of the development of state narratives in the actual canon of the collective memory of Mongolia, 2) anniversary events as a form of state-controlled historical politics, 3) features of the politics of memory in its institutionalized forms. The results of the study suggest that the political elites are among main actors of historical politics and the inspirers of memorial culture because they legitimize their status with the help of various memory tools, including discursive-narrative practices based on the mythologization of the past and its instrumental understanding and application in modern politics.

Keywords: historical memory, politics of memory, memorial canon, image of Genghis Khan, institutions of memory

For citation: Kyrchanoff M.W. Mongolian politics of memory in the late 2010s and early 2020s: actors, topics and development prospects // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 131–146. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/131-146>

Введение

История в современном мире используется как один из наиболее эффективных ресурсов для консолидации политических режимов, электоральных мобилизаций и легитимации правящих политических элит в большинстве государств. В такой ситуации история утрачивает характеристики научного знания, превращаясь в один из элементов воздействия властей на общество. Совокупность подобных практик к историографии известна как историческая политика [3] или политика памяти [6]. Политика памяти предусматривает активное вмешательство государства в определение приоритетных направлений развития исторического знания,

манипуляцию фактами прошлого в политических целях, ограничение доступа к архивам, приоритетное направление одних направлений исследований в ущерб другим [14].

В современных обществах проявлениями исторической политики может быть создание специализированных институций, призванных формировать как определенный мемориальный канон, так и культуру памяти, которые соотносились бы с интересами элит. Перемещение исторических дискуссий из академической среды в средства массовой информации и активное участие общественных активистов в обсуждении прошлого с целью политизации истории являются признаками политики памяти.

Исторически политика, как институционализируемая форма манипуляции с прошлым в интересах политических элит, возникла в Центральной Европе, где была призвана упростить процессы демократизации и декоммунизации, переоценки истории социалистических режимов. Тем не менее определенные практики воздействия и влияния на интеллектуалов, которые в 1990-е гг. стали известны под родовым именем "политика памяти" регулярно использовались на протяжении XX века как демократическими, так и авторитарными режимами, что делалось для большей актуализации одних событий в ущерб другим в условиях существования стабильной идеологической конъюнктуры, которая вынуждала историков соотносить свои выводы с интересами правящих элит. Тем не менее до 1990-х гг. такая практика не была институционализована, проявляясь в цензуре, самоцензуре, приоритетном внимании одним сюжетам и сознательной маргинализации целых эпох в тех или иных национальных историографиях, существовавших, как правило, в рамках авторитарных режимов.

Если на протяжении 1990 – 2000-х гг. историческая политика оставалась преимущественно западным явлением, то в 2010-е гг. элиты и в других регионах осознали ее эффективность, что привело к появлению ее новых национальных версий. Элиты государств Азии, подобно правящим группам Запада, осознали важность идеологически мотивированного применения прошлого, что содействовало генезису и развитию новых форм политики памяти. Одним из таких государств оказалась Монголия, где сложились свои подходы к проведению исторической политики. Монгольская политика памяти свидетельствует о значительном уровне интеграции национальных интеллектуалов в международный контекст развития мемориальной культуры.

Историческая политика, проводимая монгольскими элитами, актуализирует общие и уникальные формы применения прошлого в сравнении с аналогичной активностью в странах Запада и Востока. Государство в современной Монголии стало основным заказчиком мемориального канона и играет одну из ведущих ролей в политике памяти. Политические элиты, как в других странах, формируют повестку дня исторической политики, содействуют принудительной ревизализации или коллективной амнезии тех или иных моментов прошлого. Государство определяет набор тех исторических событий, которые следует интегрировать в мемориальный канон путем их социальной визуализации и более активного обсуждения в обществе.

Цель и задачи статьи

В центре авторского внимания в настоящей статье – проблемы политики памяти в современной Монголии. Целью статьи является анализ монгольской исторической политики через конструирование образов прошлого, обеспечивающих консолидацию общества и нации в конце 2010-х – начале 2020-х гг., что отличает актуальную модель мемориальной культуры от версии 1990-х гг., основанной на визуализации травматического опыта, связанного с коммеморацией репрессий как коллективной травмы. Поэтому задачи статьи – изучение государственных нарративов в современной политике памяти, анализ особенностей и проявлений визуальных форм исторической политики, выяснение ее роли в функционировании мемориального канона и ревизии истории, выявление перспектив исторической политики в современной Монголии.

Методология и историография

Настоящая статья в сфере методологии основана на достижениях современной историографии, сфокусированной на изучении коллективной памяти [45]. Рост интереса историков к проблемам памяти привел к мемориальному повороту, изменив векторы развития исторического знания. Наряду с традиционными нарративными и дискурсивными формами науки о прошлом, формируемых социальными и этническими группами, в число приоритетных тем вошла коллективная память [54]. Мемориальный поворот привел к росту специализации историков, но среди приоритетных проблем оказались вопросы функционирования механизмов мемориальных культур в контекстах создания коллективного прошлого [4], большей актуализации одних его моментов в ущерб другим [31]. Эти проблемы пребывают в центре теоретических штудий, что существенно влияет на изучение исторической политики как формы функционирования памяти в национальных историографиях [8].

Современная историография памяти отличается рядом особенностей. Среди приоритетных направлений [8] изучения коллективной памяти – выяснение общих принципов ее функционирования в рамках культурной амнезии или попыток конструирования прошлого [35]. Историческая политика воспринимается в контекстах воображения сообществ или изобретения традиций. Для значительной части работ, посвященных политике памяти характерно стремление к ее четкой локализации в контекстах истории национализма или интеллектуальной истории [5]. Подавляющее большинство современных исследований, посвященных исторической политике, ограничивается анализом ее конкретных версий [1]. Современная историография исторической политики, несмотря на междисциплинарность, отличается тематической и географической неравномерностью в проведении исследований мемориальных культур [39]. Если европейская и американская политика памяти изучается системно [2], то проблемы мемориальных культур обществ Азии [36], включая монгольское [42], изучены в меньшей степени.

Суммируя достижения историографии, сфокусированной на политически и идеологически мотивированных формах применения истории, во внимание следует принимать ряд факторов, которые, как полагает автор, влияют на выработку и функционирование версий и проявлений мемориальной культуры в Монголии. В научной литературе сложилась тенденция последовательного разграничения категорий "историография" и "историческая политика" как нетождественных и выполняющих различные функции. Это вовсе не означает, что профессиональные историки из академических институтов и университетов не могут быть вынужденными или добровольными участниками исторической политики, а профессиональные политики могут иметь историческое образование, используя факты прошлого, превратно ими трактуемые, для достижения собственных политических целей. Монгольский случай исторической политики интересен в том плане, что в отличие от других (преимущественно европейских) обществ демонстрирует солидарность политического класса и академического сообщества в опросах использования истории как формы идеологической легитимации существующего политического режима. Поэтому если оппозиция "академические интеллектуалы" / "профессиональные политики" вполне применима для анализа и описания проявлений и особенностей исторической политики в европейских обществах, то для характеристики мемориальной культуры в монгольском обществе она применима в меньшей степени.

"Институты памяти" в исторической политике современной Монголии.

Монгольское общество к проблемам памяти обращается периодически, что связано с ее вторичностью в инструментарии политических элит. Исторически для монгольского общества не было характерно западное отношение к историческому времени как прогрессу, что позволило в XX веке европейским интеллектуалам, по мнению французского историка Максима Раймона-Дюфура, превратить прошлое в предмет идеологических манипуляций [50]. Кроме этого в Монголии, подобно некоторым другим обществам, до начала процессов демократизации "не

менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории" [10, с. 21].

Эти модели оставались в основном позитивистскими по своей методологии, формируя особый тип нарратива, основанный на воспроизводстве линейной, преимущественно социально-экономической и политической истории, адаптированный под запросы того или иного, как правило, модернизирующегося общества, что позволяло ограничено учитывать и актуализировать его национальные и этнические особенности. Монгольская элита обратилась к применению западных методов восприятия прошлого вынужденно и позднее, чем это начали делать европейские общества. Вторичность монгольской исторической политики в этом контексте становится заметной в случае ее активного использования, которое, как правило, связано с решением внутривнутриполитических задач, стоящих перед элитами.

Важную роль в функционировании монгольской политики памяти играют юбилейные даты, внутренние политические процессы, связанные с предвыборной мобилизацией электората. Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что основным участником политики памяти в Монголии является государство, которое в 2019 г. инициировало попытку консолидации коллективной памяти в рамках музеефикации сложившегося к тому времени мемориального канона. В качестве инструмента укрепления культуры исторической памяти была использована универсальная тактика, которая применялась и в других странах, где политические элиты активно использовали прошлое в качестве мобилизационного и легитимационного ресурса. В 2019 г. по инициативе властей был организован музей "Чингисхан", который позиционировался в качестве инструмента актуализации в обществе идеи, что монголы – "народ с древней государственной историей и богатым культурным наследием" [17]. Музейный комплекс, построенный в Улан-Баторе, был призван также историзировать город, актуализируя его коллективную память, что вызывало определенные затруднения, связанные с "вписыванием" памяти о Чингисхане в городские пространства архитектурно постсоветского города, хотя с проблемами синтеза исторической памяти и урбанизации сталкиваются не только монгольские участники исторической политики [55].

В 2020 г. премьер-министр У. Хурэлсух в связи со строительством музея указывал на то, что он призван консолидировать историческую память: "это будет уникальный памятник культуры, унаследованный от наших предков, великое историко-культурное интеллектуальное наследие, связанное с историей монголов... тем самым мы передаем нашу историю нашим детям" [23]. Директор музея Сампилдондов Чулуун указывал на его уникальную роль в развитии и сохранении исторической памяти, подчеркивая, что это – "не музей Чингисхана, а национальный музей его имени" [17]. Среди основных задач музея – консолидация исторической памяти на основе государственного нарратива, центральная роль в котором отводится именно Чингисхану. Обращение именно к образу Чингисхана, который стал центральным в современной политике памяти Монголии, не является случайным. По мнению американско-российского историка Н. Копосова, обращение к прошлому как источнику "объединяющих мифов, особенно после того, как ожидания на будущее не оправдались, явление универсальное и отнюдь не уникальное" [44]. Похожие тенденции характерны и для политики памяти Монголии, правящие элиты которой стремятся обеспечить политическую консолидацию режима, обращаясь к символически значимым ресурсам истории.

Одна из первых выставок была приурочена 859-летию со дня рождения Чингисхана и Дню монгольской гордости, получив символическое название "Монголчуудын дурсамж: Чингис Хаан" ("Воспоминания монголов: Чингисхан" [13]), что было призвано подчеркнуть системное значение образа хана для современного мемориального канона Монголии. Целью выставки стала демонстрация образов Чингисхана в монгольской исторической памяти через призму "национальной монгольской гордости" [19]. Поэтому С. Чулуун позиционирует музей не только как структуру, которая внесёт "ценный вклад в восстановление монгольской гордости, патриотизма и национализма" [17], но и организацию, способную пред-

ставить консолидированную память монголов как политической нации, которая включала бы хуннских правителей, политическую элиту Монгольской империи и Золотой Орды. Решению именно таких задач подчинена структура музея, включающая Зал древних монгольских государств, Большой монгольский зал, Зал Монгольской империи, Монгольский зал XV-XX вв., Зал гордости монголов [25]. В этой ситуации примечательно и то, что этот музей, как институт памяти, практически с самого начала функционирует, сочетая режимы виртуальности и аналоговости, что в целом соотносится с общими тенденциями развития коллективной памяти. В связи с этим американская исследовательница Г. Адамс подчеркивает, что если "цифровая коммуникация представляет будущее политики, то цифровые записи, которые остаются – это также будущее, определяющее траекторию культурной памяти" [30]. Поэтому Музей практически с самого начала активно использует виртуальные ресурсы как каналы активизации коллективной исторической памяти.

Перед Музеем была поставлена задача визуализации неразрывности государственной традиции и исторической памяти от хуннских предков до современной Монголии. Подобная миссия в целом вписывается в логику развития музеев как мест актуализации коллективной памяти. По мнению Ф. Бодегштейн, в современных обществах "музейные дискурсы обычно относятся к числу средств, позволяющих заставить посетителя почувствовать себя участником, а не пассивным наблюдателем своей "собственной" истории" [33]. В случае с Музеем Чингисхана перед ним ставились сходные задачи, хотя история и память в значительной степени были подвергнуты персонификации вокруг фигуры одного правителя. Поэтому центральной идеей актуальной политики памяти становится не просто концепция континуитета, но и мифологема, согласно которой "современная Монголия – это наследие Чингисхана" [17]. Таким образом, хотя Монголия не имеет специальных институтов памяти, аналогичных по своим функциям тем, которые существуют в Европе, музей "Чингисхан" фактически играет очень близкую роль, став институцией, ответственной за формирование мемориального канона, способного консолидировать общество. Превращению Музея Чингисхана в монгольский аналог институтов памяти содействует присоединение к нему в 2022 г. Монгольского государственного исторического музея [24]. Подобные меры были направлены на унификацию коллективной памяти, а музей, как государственная институция, увеличивал свою видимость в проведении исторической политики. Появление Музея Чингисхана было подчинено решению задач исторической политики и превращению истории в символический ресурс для легитимации элит и упрощения идеологической мобилизации населения через большую визуализацию нарративов древней истории. Поэтому, вероятно, права американская исследовательница мемориальной культуры Кэролайн Э. Джэнни, которая полагает, что "память о прошлом – это всегда память о настоящем, память о применении прошлого для утверждения социальных, культурных и политических идеалов" [41]. Подобная логика определяет и механизмы функционирования исторической политики в современной Монголии, где прошлое, редуцируемое до образов великих деятелей монгольской истории, является не более чем символическим ресурсом, используемым для консолидации общества.

Другим государственным учреждением, вовлеченным в реализацию исторической политики, является "Чингис хааны өв, соёлын хүрээлэн" (Институт наследия и культуры Чингисхана), созданный в 2019 г. В рамках официальной версии коллективной памяти Чингисхан позиционируется как "гений второго тысячелетия, основавший Великую Монголию и положивший начало золотому веку монгольской истории" [27]. В этом контексте политика памяти в Монголии повторяет ошибки, допущенные элитами в других странах, когда, по мнению М. Синхи, "национальное примирение или строительство нации" становилось результатом "забвения" моментов истории [53], которые воспринимались как идеологически неудобные. В число задач Института входит "прославление роли Чингисхана в монгольской и мировой истории, разработка единой политики и программы, направленных на

распространение и популяризацию наследия и культуры Монгольской империи за рубежом, проведение фундаментальных исследований по установлению норм и созданию правовой среды использования обрядов, почестей и имен, связанных с Чингисханом, в общественных отношениях" [28]. В 2021 г. Институт оказался среди основных участников политики памяти, активно организовывая коммеморативные мероприятия, связанные с 860-летием со дня рождения Чингисхана [16], чем содействовал еще большей мифологизации его роли и придания ему системообразующего значения в современной мемориальной культуре Монголии.

В 2022 г. Институт начал применять стратегии "проработки прошлого", характерные для "институтов памяти" в Европе. Использование западного опыта выразилось в популяризации официального мемориального канона путем его большей актуализации в общественных пространствах. Например, 30 марта 2022 г. Институт провел презентацию "Чингис хааны байгуулсан дэлхий ертөнц" ("Мир, основанный Чингисханом") для воспитателей и сотрудников детского сада № 187 Налайхского района "с целью прославления роли Чингисхана" [25]. Институт оказался не только одним из реализаторов политики памяти в современной Монголии. На него были возложены обязанности организации коммеморативных мероприятий, призванных консолидировать мемориальный канон коллективной памяти фактически путем "изобретения традиций". Таким образом, Институт был призван не только проводить академические исследования, но и формировать позитивный образ Чингисхана, то есть фактически участвовать в воспроизводстве идеологических мифологем.

Трансформации образа Чингисхана в современной монгольской модели культуры памяти, рассмотренные нами выше, отражают общие тенденции развития национальной идентичности. Кристофер Каплонски, комментируя трансформацию его образа в национальной идентичности монголов в XX веке в условиях авторитарной модернизации, подчеркивает, что "Чингисхан вовсе не был фигурой умолчания в социалистической Монголии. На самом деле ограничены были лишь рамки возможной интерпретации и оценки значения этого исторического деятеля" [43], что не мешало локализовать его фигуру в коллективной исторической памяти. Процессы демократизации, начавшиеся в 1990-е гг., привели в замене социально-экономической доминанты в историографии национально ориентированными интерпретациями. Поэтому образ Чингисхана оказался не только чрезвычайно привлекательным для историков, но и крайне удобным для новой волны идеологически мотивированных интерпретаций.

Склонность историков к поиску консолидирующих символов, которые способны объединить нацию, привела к тому, что Чингисхан стал ассоциироваться с подлинной и реальной монгольской исторической памятью и идентичностью, которые в социалистический период, если не были подавлены, то получали жестко детерминированные преимущественно социально-экономические и идеологически мотивированные интерпретации. Таким образом, Институт наследия и культуры Чингисхана фактически легитимизирует и закрепляет те тенденции в функционировании исторической памяти, которые были запущены в результате формирования новой мемориальной культуры в 1990-е гг., когда в ее основу были положены не идеологические, а национальные мотивы.

В связи с этим представители профессионального сообщества историков от формирования самой концепции музея оказались отстранены, что стало причиной критики проекта с их стороны. Определенное неприятие такой версии исторической политики стало следствием понимания того, что "историей можно злоупотреблять" [52]. Подобные некорректные применения прошлого, как правило, инициируются элитами, которые действуют не в интересах истории как науки, но стремятся интегрировать ее в политическую культуру. Актуальный опыт монгольской политики памяти актуализирует ее универсальные закономерности и расхождения с академической наукой, так как, по мнению Дэвида В. Блайта, "память часто кому-то принадлежит в то время как история интерпретируется, память передается из поколения в поколение, а история пересматривается" [32]. По-